

О СПОСОБНОСТИ ЮМОРА РАЗРЕШАТЬ ФИЛОСОФСКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Среди философов-стоиков, последователей Зенона, находился и некий Сфер Боспорский, ученик Клеанфа. Относительно этого Сфера имеется единственное свидетельство Диогена Лаэртского, в котором последний, не сообщая прочих подробностей о жизни и учении Сфера, рассказывает забавную историю, приключившуюся со Сфером в Александрии. Диоген рассказывает, что Сфер "... достигнув больших успехов в науках, уехал ... к Птолемею Филопатору. Здесь однажды возник спор, подвержен ли мудрец ложным мнениям, и Сфер утверждал, что нет. Царь захотел уличить его и велел подать к столу гранатовые яблоки из воска; Сфер принял их за настоящие, и царь вскричал, что вот Сфер и принял ложное представление. Но Сфер тотчас ответил, что принял он не то, что перед ним, – гранаты, а то, что есть основания считать их гранатами; а ведь постигающее представление и обоснованное представление – это разные вещи".

Происшедшее требует небольшого предварительного пояснения. Один из спорщиков пытается поставить своего противника по диспуту в затруднительное положение, прибегая при этом к хитрости. Тот попадает в ловушку, но тут же находит выход из ситуации. Сама ситуация вызывает улыбку – и Диоген, для которого история философии отнюдь не представляет собой некоего серьезного научного исследования, но, скорее, является поводом рассказать об обычных людях, занимающихся конкретным делом таким образом, что это дело становится для них образом их жизни, описывает эту ситуацию в форме исторического анекдота. Ведь история философии, согласно Диогену, это не только учения и изречения знаменитых философов – философия является феноменом действительной жизни. Анекдот, тем не менее, совершенно неожиданно оказывается подходящим примером для прояснения общей стоической теории восприятия. При этом речь вовсе не идет о том, что достоинство философии может быть поколеблено, если серьезные вещи будут поясняться с помощью комических событий. Даже Платон, один из наиболее "серьезных" мыслителей, спокойно относился к тому, что кто-то может объяснять охоту на примере предводительства войсками, а кто-то – на примере ловли вшей ("Софист", 227 b4-b6).

Сфер исходит из того, что представление (*φαντασία*) есть некий отпечаток в душе, наподобие того, как перстень оставляет отпечаток на воске. Представление может возникать либо от существующего, либо от несуществующего предмета. То представление, которое является следствием несуществующего предмета, есть призрак (*φαντάσμα*), нечто кажущееся нашим мыслям, а потому не является представлением в собственном смысле этого слова. В соответствии со способом происхождения представлений, они подразделяются на постигающие и непостигающие. Постигающее представление (*καταληπτικὴ φαντασία*) происходит от существующих предметов. Такое представление объявляется критерием истины, поскольку оно отпечатлевает существующее, как оно есть. Наука, которая является незыблемым постижением, должна опираться на постигающие представления. Непостигающее представление может возникать от несуществующего, в том же случае, когда основанием для непостигающего представления является нечто сущее, тогда отпечатление сущего оказывается неясным и неотчетливым.

Сфер, между тем, ссылается на различие между постигающим представлением (*καταληπτικὴ φαντασία*) и обоснованным представлением (*εὐλόγος φαντασία*). Обоснованное представление является, в таком случае, разновидностью непостигающего представления. Предмет выглядит так, как если бы он был действительным предметом, однако его вид есть лишь видимость. В действительности, предмет есть нечто иное, нежели то, за что он себя выдает. Важным моментом здесь является то, что схватывание предмета

осуществляется не в простом акте представления, само восприятие требует синтеза представления и разумного основания этого представления. Иначе говоря, представление возможно только из определенного основания. Если бы не существовало предварительного основания восприятия предмета посредством представления, то ни о каком представлении не могло бы быть и речи. Самым удивительным оказывается тот факт, что именно основание восприятия может выступать в качестве истинного или ложного. Сфер выходит в споре победителем, потому что он указывает, что он воспринимает не предмет, а основания считать предмет таковым, каким он кажется. Но можно также предположить, что Сфер просто посмеялся над своим противником, предложив ему практически неразрешимую задачу: если существуют основания полагать предмет чем-либо иным, то таких оснований может быть сколько угодно. Мнение и есть основание полагать предмет в качестве существующего определенным образом, т. е. само мнение есть нечто сущее, а если оно при этом не соотносится с постигающим представлением, то оно всегда является истинным. Поэтому человек, высказывающий мнения, не может ошибаться, и Птолемей с самого начала был обречен на поражение в споре.

То, что в философии можно с изрядной долей веселости рассуждать о самых серьезных вещах, – можно вспомнить хотя бы Сократа с его знаменитой иронией, не раз позволявшей ему брать верх над соперниками, – доказывает лишний раз, что юмор также является феноменом, относящимся к фундаментальным основаниям жизни человека. Смех конституирует изначальную открытость человека для мира, осуществляя тем самым возможность как постижения сущности мира, так и сущности самого человека. Эту открытость и следует рассматривать в качестве основания для возможности существования философии – тогда на смену философии в трагическую эпоху придет философия как веселая наука.